

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕНОСТИ РЕТРОДЕТЕКТИВОВ Р. ВАН ГУЛИКА

Достаточно популярной на Западе (а начиная с 90-х годов XX века – и у нас) является серия детективов голландского писателя Роберта ван Гулика, посвященная судье Ди. Ван Гулик – профессиональный дипломат, ориенталист-медиевист. Его литературные занятия начались с того, что в 1949 году, увлекшись средневековым китайским судопроизводством, он перевел на английский и издал анонимный китайский судебный роман XVI века «Ди гун'ань» («Dee Goong An»). Эта книга вызвала большой интерес у западного читателя. Издатели предложили ван Гулику продолжить публикацию похожих книг, однако он считал, что «Ди гун'ань» – произведение уникальное. Аналогичные произведения не будут понятными европейской читательской аудитории. Вместо того, чтобы печатать их, ван Гулик решил написать что-то свое, оригинальное, но стилизованное под «средневековый» китайский детектив. В данной статье мы попытаемся обобщить разрозненный материал, посвященный творчеству писателя, прояснив вопрос о художественных особенностях его исторических детективов.

Взяв из «Ди гун'ань» фигуру главного героя, судьи Ди Жёньцзе, а также имена и черты характеров четырех его помощников – Ма Жуна, Цзяо Тая, Хун Ляна и Дао Ганя, писатель создал ряд детективных романов: «Китайские убийства в лабиринте» («Chinese Maze Murders», 1950), «Китайские убийства с колоколами» («Chinese Bell Murders», 1950), «Китайские убийства на озере» («Chinese Lake Murders», 1952), «Китайские убийства с помощью гвоздей» («Chinese Nail Murders», 1956), «Китайские убийства за золото» («Chinese Gold Murders», 1958), «Императорская жемчужина» («The Emperor's Pearl», 1963), «Монастырь с привидениями» («The Haunted Monastery», 1963), «Красный павильон» («The Red Pavilion», 1964), «Лаковая ширма» («The Lacquer Screen», 1964), «Пейзаж с ивами» («The Willow Pattern», 1965), «Призрак в храме» («Phantom of the Temple», 1966), «Убийство в Кантоне» («Murder in Canton», 1966), «Поэты и убийцы» («Poets and Murder», 1968). Так появился, в сущности, первый в истории западноевропейского детектива ретроцикл, который стал отправной точкой для появления аналогичных сериалов, о некоторых из которых пойдет речь ниже.

Судья Ди, как отмечал сам Роберт ван Гулик, «лицо историческое. Он жил с 630 по 700 годы и на раннем этапе своей длительной служебной карьеры прослыл непревзойденным мастером раскрытия преступлений, а после его назначения на высокую чиновническую должность в имперской столице стал благодаря своей проницательности и смелости одним из самых выдающихся государственных мужей эпохи Тан» [2, с. 228]. Кроме персонажей ван Гулик

перенял и саму форму средневекового китайского детектива, частично ее модернизировав.

Классический китайский детективный роман имел строго регламентированную структуру и следовал четко очерченным канонам. Такие произведения обычно «не имели отчетливо поучительного характера, и в них чаще всего шла речь о преступлении против конкретного лица, а не против общества. Чаще всего преступление заключается в убийстве или изнасиловании. Задача судьи в том, чтобы выяснить лицо преступника и определить ему наказание, предусмотренное законом. Судья появляется как воплощенный образец честности, неподкупности, порядочности» [3, с. 243].

Сюжет китайского детектива отличается тем, что лицо преступника с самого начала является загадкой только для сыщика. Читатель же практически сразу получает полную информацию об убийце или насильнике, вплоть до его родословной и привычек. Как справедливо отмечает в связи с этим А.М. Кабанов, благодаря такому приему «создается особенное напряжение, когда читатель будто из-за ширмы подсматривает за тем, что происходит на сцене, хотя судье придется по крошкам добывать эту информацию. Здесь имеется принципиальное расхождение с западным детективным жанром, где читателя держит в напряжении именно то обстоятельство, что преступник неизвестен, а подозрение одновременно падает на нескольких лиц, оставляя тем самым пространство воображению» [3, с. 243]. Еще одна важная особенность поэтики китайских криминальных романов – это то, что в них очень часто «действуют» разные сверхъестественные существа: оборотни, привидения, боги и демоны, которые вмешиваются и в осуществление, и в расследование преступлений.

Существенным отличием классического китайского детектива является и то, что в сюжете очень мало динамики. Действие разворачивается медленно и неторопливо, осложняясь разнообразными вставками, лирическими, философскими и нравоучительными отступлениями. Например, с появлением каждого нового персонажа перечисляются имена его многочисленных родственников – так читатель получит достаточное представление о семейном и социальном статусе действующего лица. Само же лицо детектива (судьи) не занимает главное место, ведь его роль – не столько раскрытие сложного преступления, сколько возобновление равновесия и установление меры наказания для правонарушителя. Эту стержневую идею средневекового китайского детектива ван Гулик бережно сохранил в своих романах. «Говоря современным языком, – пишет О. Славникова, – судья Ди – гарант целостности этого мира, одновременно огромного и миниатюрного. Ди разбирается во всех загадках и всем участникам событий раздает по справедливости: кого-то казнит, кому-то возвращает злодейски украденное имущество, кого-то соединяет в браке, кого-то пристраивает к соответствующей способностям профессии. Финал книги ван Гулика – не просто разгадка загадки, но возобновление гармонии, которую преступление лишь покачнуло, однако уничтожить не смогло» [6, с. 179].

В остальном же сериал Роберта ван Гулика о судьбе Ди – это достаточно профессиональная, хотя и не всегда точная стилизация под средневековье. Именно так, «хорошо информированным пастишем», называет эти романы Джулиан Симоне в своем исследовании «Кровавое убийство», добавляя: «Лучшие из них [романов. – Б.Ч.] бесспорно умные, но написаны таким причудливым стилем и основаны на таких фантастических мотивах, которые кажутся просто странными» [7, с. 267].

Исторические и стилевые несоответствия в цикле отмечались критикой неоднократно. «Конечно, – отмечает Л. Рублевская, – вангуликовская стилизация под древнекитайскую литературу не скрупулезна. Это неудивительно. Ведь согласно канонам в такой истории преступник должен быть известен сначала, и вообще некоторые повороты сюжета и особенности рассказа были бы невозможны. Но средневековый антураж поддерживается. На каждой странице герои ревностно бьются лбом о пол в знак почета к вышестоящим, раскаяния, увлечения, благодарности, испуга и тому подобного. Вместо дактилоскопии и перекрестного допроса широко употребляются знаменитые китайские пытки. Ход следствия определяют призраки и сновидения. А заканчивается все, конечно, справедливой, но смертной карой, и головы преступников летят к корзине» [5].

Похожие мысли выражает и критик «Независимой газеты» А. Мельник: «Смешна также мистика – призраки ближе к концу оказываются людьми, хотя в призраков судья Ди верит и никогда не ставит себе целью опровергнуть их существование. Впрочем, уже на самой последней странице пробегает какой-то призрак, настоящий, и хлопает дверью. Может, чтобы сделать судье приятное. Исконно китайского же – одни описания халатов, непременно упоминавшийся утренний и вечерний рис и оригинальность злодеев: похищенную девушку они прячут исключительно у знакомой хозяйки борделя. Этот сюжетный ход использован в нескольких романах – видно, у них, в Китае, так принято. Однако неспешность бытия, имена и рис создают-таки атмосферу» [4, с. 8].

Сюжетно и композиционно книги о судьбе Ди построены по одной схеме. В каждом произведении герой одновременно расследует несколько дел (три или четыре). На первый взгляд, не имея между собой ничего общего, эти преступления в конечном итоге оказываются тесно взаимосвязанными. Достаточно однотипной является и система сюжетных ходов, используемая романистом. Обычно к судье поступает очередное дело, он осматривает место происшествия, а затем дает соответствующие поручения своим помощникам, которые собирают доказательства и опрашивают свидетелей. Сам Ди аналитически обрабатывает полученный материал, в результате чего и приходит к истине и разоблачает преступника, определяя для него наказание. Эта неизменная схема переходит из романа в роман, изменяется лишь местность.

Такое пассивное поведение инвентигатора не является исключительным в истории западноевропейского детектива. Образ кабинетного сыщика-

интеллектуала Ниро Вульфа создан Рексом Стаутом. В расследованиях замысловатых криминальных загадок Вульф полностью полагается на свои «глаза и уши» – Арчи Гудвина. Аналогичной является ситуация с судьей Ди. Помощники выполняют за него «всю основную черновую работу, попадают в рискованные ситуации, дерутся с бандитами, собирают необходимую информацию по игорным и публичным домам, а в винные лавки заходят не только для выполнения судебного долга, но и ради чистого удовольствия – промочить горло парой кувшинов вина. Они легко вступают в контакт с людьми, вызывая в них доверие как «свои» ребята, которым можно открыться без особенных опасений» [3, с. 246].

Поведение судьи Ди полностью отвечает схеме классического китайского средневекового детектива. Однако не всегда вангуликовскому герою удается сохранить статус отстраненного интеллектуала. Нередко ему приходится лично осуществлять следственные действия и даже использовать оружие, которым он искусно владеет. Однако, как это верно заметил А.М. Кабанов, чаще всего судье достается не физическое, а более «сложное противостояние – духовное. Противники его – люди незаурядные, а нередко занимающие высшие должности. Даже после того, как у него есть на руках все доказательства, чтобы обвинить их в осуществлении преступления, судья Ди часто оказывается перед дилеммой, неизвестной ни одному западному детективу. В случае если его обвинение окажется несправедливым, он сам обязан согласно китайскому законодательству понести такое наказание, которое было им определено» [3, с. 247].

Популярность романов ван Гулика, как верно считает В. Березин, основывается на «триединстве, то есть единстве трех компонентов: китайской этнографической специфики, сюжетной интриги и этического начала. С этнографией все более-менее понятно: китайская борьба, жестокое палочное судопроизводство, древние китайские игры и семейные отношения – все это не фон театрального действия, а ее несущие части. Интрига сделала рассказ детективом – здесь и говорить нечего, а вот с этическим началом не все так просто. В «западном» детективе история героев заканчивается шелканьем наручников на руках негодяя, история китайского судьи заканчивается возвращением порядка, миру возвращается сообразность – но китайская сообразность, которая стоит дороже, чем китайская человеческая жизнь» [1, с. 6]. Однако книги голландского писателя замечательно вписываются и в традиции европейской детективной литературы. «Детектив ван Гулика, – отмечает А. Мельник, – хороший, качественный детектив. Как Агата Кристи, Честертон, Конан Дойл... Это возвращение к детективу первичному, детективу разновидности знаменитых рассказов Эдгара По, где присутствуют интрига и антураж, но нет моря крови и тупой злобы, выраженной невыразительным суконным языком. К тому же славу тексту добавляет непреходящая мода на экзотику Востока, которая переживает в последнее время новый всплеск» [4, с. 8].

Таким образом, в книгах Роберта ван Гулика соединились традиции средневекового китайского детектива с новаторством, предвосхитившим появление новой жанровой разновидности криминальной литературы – ретродетектива. Думается, в плане дальнейших исследований полезным будет проследить, какое влияние оказало творчество голландского писателя на развитие мирового исторического детектива.

Литература

1. Березин В. Сообразность. Гвозди бы вынуть из этих людей // *Ex libris* Книжное обозрение «Независимой газеты». – 2001. – 6 декабря.
2. Гулик Р. Послесловие // Гулик Р. Пейзаж с ивами. – СПб.: Амфора, 2001.
3. Кабанов А.М. Роберт ван Гулик и судья Ди // Гулик Р. Пейзаж с ивами. – СПб.: Амфора, 2001.
4. Мельник А. Повесть о настоящем судье. Китайский детектив пьет зеленый чай // *Ex libris* Книжное обозрение «Независимой газеты». – 2001. – 11 января.
5. Рублевская Л. Не смех, не слезы, не любовь // Советская Белоруссия. – 2002. – 14 августа.
6. Славникова О. Ландшафты хеппи-энда // Октябрь. – 2001. – № 10.
1. Symons J. *Bloody Murder: From the Detective Story to the Crime Novel*. – New York: Mysterious Press, 1993.

Анотація

Чорна В. Л. Художні особливості ретродетективів Р. ван Гуліка.

Статтю присвячено творчості відомого нідерландського письменника Роберта ван Гуліка. Досліджуються художні особливості його ретродетективів, присвячених пригодам середньовічного китайського судді Ді.

Ключові слова: ретродетектив, місцевий колорит, динаміка.

Аннотация

Черная В. Л. Художественные особенности ретродетективов Р. ван Гулика.

Статья посвящена творчеству известного голландского писателя Роберта ван Гулика. Исследуются художественные особенности его ретродетективов, посвященных приключениям средневекового китайского судьи Ди.

Ключевые слова: ретродетектив, местный колорит, динамика.

Summary

Chorna V. L. Artistic features of R. van Goulik's historical mysteries.

The article is devoted to the activity of famous Dutch writer Robert van Goulik. Artistic features of his historical mysteries about the adventures of Chinese judge Dee who lived during the Middle Ages are analyzed.

Key words: historical mystery, couleur locale, dynamics.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Л. Г. Фризманом.